НЕГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ АДВОКАТУРЫ И НОТАРИАТА»

Доклад

на тему: «Политико-правовые воззрения Даниила Заточника в «Слове»-«Молении»»

Выполнил:
Магистрант 1 курса
Коноплин Сергей Юрьевич

Проверил:
доктор юридических наук, профессор
Шагиева Р.В.

Москва, 2018

Даниил Заточник- автор, которому приписывается произведение, дошедшее до нас в двух редакциях под названиями «Моление» («Послание») и «Слово». Какие же исторические предпосылки сложились для развития общественной мысли в то время? В 13 веке Киевское государство стало распадаться на княжества, что было вызвано самой жизнью, глубокими тенденциями внутреннего социально – политического развития Восточной Европы того времени. Начинается период феодальной раздробленности, к тому же усложненный татаро-монгольскими нашествиями и наступлением немецких крестоносцев. Все это очень ослабило единство и военно-политическую силу Киевской Руси, затормозило ее дальнейшее культурно – историческое развитие, но не могло сдерживать на восточнославянских землях процесс вообще. Более того, получение княжествами политической независимости содействовало активизации в их социально-экономической и культурной жизни, росту общественного самосознания и активности местного населения.

Эпоха феодальной раздробленности была закономерным этапом в многовековой истории восточных славян. Она подготовила почву для новой их этнической, общественной, политической консолидации. Именно исторические условия, которые сложились на Руси в 12 – 13 веках и содействовали формированию трех восточнославянских народностей со своими отличительными этническими особенностями, языком, самобытной материальной и духовной культурой, со своей исторической жизнью.

В период нашествия Батыя и установления монголо-татарского ига отличительной чертой средневековой литературы был ее высокий патриотизм. И летописцы и агиографы видели в победе монголо-татар божью кару, которая постигла людей за грехи перед Богом. Но из рассказов тех же летописцев о батыевщине, из повестей, посвященных нашествию Батыя, становится очевидным, что в сознании народа путь к спасению от насилий врага виделся не в покаянии и молитвах, а в активной борьбе. Поэтому в литературе этого времени особенно сильно проявляется ее героический характер.

Как можно судить по древнерусским летописям и многим другим литературным памятникам, писателей Древней Руси весьма волновали проблемы гражданского содержания, например, проблемы сильной княжеской власти, между княжеских отношений и взаимоотношений князей и боярства. Те, кого заботило будущее Руси, видели в сильной княжеской власти необходимое условие, обеспечивающее успешную борьбу Руси с внешними врагами, а также преодоление внутренних противоречий. Особенно сильны подобные умонастроения были в эпоху феодальной раздробленности Руси и монголо-татарского нашествия. Именно с ними и связано сочинение некоего Даниила Заточника - один из довольно загадочных фактов древнерусской литературы.

Творение Даниила было открыто и впервые частично опубликовано Н. М. Карамзиным в примечаниях к его "Истории государства Российского". Это памятник, по сути публицистический памфлет, а по форме послание, весьма загадочен. Изучение его сопряжено с большими трудностями, поскольку ни один из его списков, дошедших до нас от XVI-XVII вв., не воспроизводит его

первоначального текста. Кроме того, все списки четко делятся на две редакции, существенно отличающиеся одна от другой по составу, текстуально и идейно. Один вариант сочинения бытовал с названием "Слово Даниила Заточника, еже написа своему князю Ярославу Владимировичу". Другой вариант - с названием "Моление (или Послание) Даниила Заточника к своему князю Ярославу Всеволодовичу". Соответственно, от решения вопроса о изначальном адресате Даниила зависит решение вопроса о времени появления самого сочинения.

Отсюда одни исследователи доказывали, что Даниил писал правнуку Владимира Мономаха князю Ярославу Владимировичу, княжившему в Новгороде с 1182 по 1199 г., а другие, что он писал князю Ярославу Всеволодовичу, правнуку Владимира Мономаха, княжившему в Переяславле Северном с 1213 по 1236 г. Высказывались и другие предположения. В настоящее время утвердилась мнение о том, что произведение было создано после первого столкновения русских с монголо-татарами, то есть после 1223 г. Намек на это событие можно усматривать в заключительных словах "Моления": "Не дай же, Господи, в полон земли нашей языком, не знающим Бога, да не рекут иноплеменницы: где есть Бог их…".

Споры о хронологическом происхождении этих редакций в историографии памятника не разрешены окончательно и по настоящее время. Ясно, что труд этот был создан до татаро-монгольского нашествия, поскольку в одном из списков, озаглавленном как «Послание на имя великого князя Ярослава Всеволодовича», в заключительных строках содержится обращение к Богу, в котором автор просит его не допускать пленения нашей земли «языком, не знающим Бога». Следовательно, эта редакция явно была написана накануне татаро-монгольского нашествия, когда известие о движении Батыя к границам Руси распространилось, дойдя до северовосточных земель после битвы на Калке в 1223 г. или завоевания Рязани в 1237г.

В «Послании-Молении» (так называемой второй редакции) более ярко, нежели в «Слове», дан социальный фон жизни, снабженный критикой своекорыстного крупноземельного боярства и духовенства в лице черного монашества и особенно высших его сановников. Именно в «Послании» более отчетливо выступает личность автора, который сумел личные невзгоды связать с пороками и язвами современной ему жизни. Было сделано несколько попыток определить ту социальную среду, к которой принад- лежал автор «Моления». Эти попытки приводили к внешне противоречивым результатам. Одни из исследователей считают его дворянином, другие — дружинником князя, третьи — холопом, четвёртые предполагают, что Даниил вообще не имел устойчивого социального положения. И вместе с тем, несмотря на свою внешнюю противоречивость выводов о том, кем был автор «Моления» по социальному происхождению, одно не представляет сомнений: автор «Моления» принадлежал не к господствующим классам общества, а к зависимым. Он называет себя «холопом». Называл ли он себя так в точном и узком значении этого слова, которое постоянно встречается в актовом материале Древней Руси, или в более

общем и более неопределённом значении «слуга», «подданный», «зависимый человек», которое встречается по преимуществу в памятниках литературы, — всё равно в этом слове автор «Моления» подчеркнул своё невысокое социальное положение. Однако к какой бы категории зависимых людей не принадлежал Даниил, одна черта выделяет его из всех: Даниил подчёркивает свою полную зависимость только от князя. Только в князе видит он возможный источник своего благополучия, только князя восхваляет, превозносит до небес. Это обстоятельство позволяет видеть в Даниеле типичного княжеского «милостника», которых особенно много было во Владимиро-Суздальской земле и которые как раз вербовались из самых различных категорий зависимых людей. Княже- ские «милостники» были и из холопов, и из крестьян, и из ремесленников, из разорившихся людей самых различных профессий. Это были люди часто пришлые, неустроенные в жизни, единственную свою надежду возлагавшие на князя, на его милость.

Трудно определить тот социальный круг, к которому принадлежал Даниил, но на связь с военной средой он намекает неоднократно, сообщая, что он был «на рати», но не проявил храбрости («был не хоробр»).

Скорее всего, он принадлежал к служилому дворянству, положение которого в тот период не было стабильным. Обращаясь к князю, он прямо просит его предоставить «всякому дворянину милость... хватит ему мыкаться в скорбях...» — заверяет он. Даниил сравнивает князя с весной, украшающей землю цветами, с рекой, напояющей людей и зверей. Князь посылает тучу, грозу. Он так богат, что богатства его нельзя истощить, как чашею нельзя вычерпать море. Щедрый князь — отец слугам, он «заступник тёплый», он даёт богатства и славу, как земля — плод, как дерево — «овощь». К нему все приходят и «обретают от печали избавление».

Вполне возможно, что Даниила коснулась княжеская немилость, связанная с потерей личного состояния. «Рассыпался мой живот (здесь в значении «состояние») яко же хананейского царя буест (гордость,) и покрымя нищета яко Черное море фараона». В результате Даниил оказался не только в нужде и печали и «под рабским ярмом», но даже, может быть, и при ограничении личной свободы. Так, в Соловецком списке «Моления» указывается, что он «седяше заточен на Беле озере».

Себя Даниил представляет как образованного человека, прибегая при этом традиционно к самоуничижительной характеристике, сообщив князю, что «ни в Афинах рос, ни у философ учился», но подобно пчеле порхал по книгам, как по цветам и «набирал сладость словесную, совокупляя мудрость как в мех воду морскую», и хотя он «ни Феофраст и ни Пинандр», «но в смысленных ризу облачился и смысленных сап о «Как зверь без головы, так и полки без хорошего полководца», ибо у «мудрых полки крепки, и грады тверды, а храбрых полки сильны, но без ума и на них бывает победа».

Князю необходимо войско иметь не для захвата чужих земель, а для защиты собственной страны. «Многие ополчаются набольшие грады и со своих меньших оседают». Завоевательная политика опасна и непредсказуема.

Князь должен заботиться и о хорошем управлении страной. «Земля плод дает, древеса овошь, а ты нам богатство и славу, ибо тяжело жить в пишете. «Лучше смерть нежели продолжен живот в нищете». Убожество толкает му на воровство и разбой, а жен на блуд.

В этих словах слышатся первые отзвуки стихийного социального протеста, острота которого прикрыта юмористическими афоризмами и цитатами из Библий

Следует князю побеспокоиться и о народонаселении, причем не только сохраняя численность своего народа, но и приглашая людей из других стран. Если в государстве будет порядок и не будет беззакония, то и из «иных стран» приедут к тебе, «ведая твою милость».

Хорошее управление Даниил сравнивает с гармоничной игрой на гуслях или строением тела, которое «держится жилами».

В «Послании» дается критика боярского самоуправства и порочности духовенства. Боярин и князь противопоставляются друг другу, с явным предпочтением последнего. Боярское засилье несправедливо и порождает все беспорядки в государстве, а также ведет *к* прямому ущербу авторитету верховной власти. Когда «боярин богат и силен, он мыслит на князя все злое».

Даниил пишет, что он предпочитает служить у князя, нежели у боярина даже с ущербом для своего материального состояния. «Лучше мне ноги свои видеть в лаптях в твоем дворе, нежели в червленых сапогах на боярском дворе, лучше мне в дерюге служить тебе, нежели *в* багрянице на боярском дворе... лучше мне воробей испечен принимать от твоей руки, нежели баранье плечо от господарей злых».

Осуждает Даниил и корыстолюбивую княжескую администрацию, никому не советуя «иметь двора близь царева двора, и села не держать близь княже села: тиун его как подожженная огнем тряпица накладен, а рядовичи его как искры. Если от огня убережешься, то от искр не сможешь уберечься и сожжена будет одежда твоя».

Особенной смелостью отличается открытая критика духовенства. Автор «Послания» отмечает, что многие, принимая иноческий подстриг, лгут Богу, так как в монашеском сане «возвращаются в мирское житие, аки пес на свои блевотины и на мирское гонение; обидят села и дома». Их нет там, где горе и беда и, напротив, где свадьба и пир, тут присутствуют чернецы и черницы, которые

«ангельский имея на себя образ», сохраняют «блудный нрав», причем это касается не только простых монахов, но и тех, кто «святительский имеет сан».

Поддержка Даниилом сильной великокняжеской власти соответствовала тенденции времени и предполагала ограничение полномочий крупноземельной феодальной аристократии и объединение всех русских земель под властью великого князя.

Произведения, приписываемые Даниилу, получили широкую известность и популярность, о чем свидетельствует количество их списков. Написанное с большим чувством юмора «Послание» («Моление») представляло собой утверждение авторитета ума в борьбе с человеческой косностью и глупостью, а также политическим «безнарядием» (беспорядками), беззаконием, которые позволяли сильным «потоплять» «низких» и «убогих» людей.

Большая надежда автора на государство в лице великого князя была выражена в «Послании» просьбой оказать помощь тому, кто в печали, оправдать незаконно наказанного и обездоленного, защитить его сильной рукой государственной власти, которая никому не позволит совершать преступления из-за бедности и низости положения. Это моление Даниила, пройдя через века, не утратило значения. Явление в Древней Руси послания Даниила Заточника — это свидетельство того, что в древнерусском обществе на рубеже XII–XIII веков появился новый социальный слой, состоящий из образованных, но невостребованных людей. Эти люди уже стремились опираться на свой разум, и строить свою жизнь в зависимости от собственных интеллектуальных способностей. Для нас же важно, что впервые в истории русской религиозно-философской мысли идея свободного разума в произведениях Даниила Заточника зазвучала столь ярко и определенно. Более того, образ Даниила Заточника оказался близок и тем тысячам русских людей, которые, может быть, и не были одарены талантами, но, в результате социального расслоения древнерусского общества, оказались "выброшенными" из привычного для них мира. Это те самые "русские скитальцы", о которых столь пронзительно писал через семьсот лет Ф.М. Достоевский «Кто бы ни был Даниил Заточник, — писал В. Г. Белинский, — можно заключить не без основания, что это была одна из тех личностей, которые, на беду себе, слишком умны, слишком даровиты, слишком много знают и, не умея прятать от людей свое превосходство, оскорбляют самолюбивую посредственность; у которых сердце болит и снедается ревностию по делам, чуждым им, которые говорят там, где лучше было бы молчать, и молчат там, где выгодно говорить; словом, одна из тех личностей, которых люди сперва хвалят и холят, потом сживают ее со свету и, наконец уморивши, снова начинают хвалить». Подписанное именем Даниила Заточника, — это определенная веха в развитие отечественной религиозно-философской мысли, отмечающая появление идеи отдельной человеческой личности, живущей плодами своего разума, как в духовной мысли, так и в общественной жизни Древней Руси. "Моление" является редчайшим документом светской культуры. Других, подобных ему

древнерусских сочинений, мы не знаем. Возможно, потому, что весь литературный процесс в Древней Руси вплоть до XVII века подчинен был, прежде всего, интересам Церкви.

Однако науке известны западные и византийские литературные аналоги "Моления", например, просительные послания-поэмы византийских хронистов XII в. Михаила Глики и Фёдора Птохопродрома, просительная элегия монаха IX в. Эрмольда, отправленная им из заточения сыну Людовика Благочестивого, "Пословицы" некоего итальянского заточника XIII в. в Бари и др. Авторы этих произведений так же в остроумной форме, с помощью пословиц (гном, афоризмов), вымаливают себе прощение за проступок, приведший их в тюрьму или навлекший на них другие несчастья. Однако отличие этих гномических текстов состоит в совершенно светском характере их стиля, тогда как древнерусское "Моление" Даниила Заточника пронизано светом церковной культуры - цитатами из Священного Писания и других памятников христианской книжности. Таким образом, никак нельзя говорить о прямой литературной зависимости автора "Моления" от указанных литературных аналогов.

Замечательна стилистика Даниила, его речь насыщена примерами, поясняющими его мысли, перемежается пословицами, афоризмами, подходящими к случаю цитатами и одновременно "мирскими притчами", то есть простонародными выражениями. Подобный строй текста позволяет думать о том, что "Моление" было создано как сборник нравоучений, для которого форма послания была лишь литературным приемом компилятора. Вместе с тем манера изъясняться "готовыми формулами" вполне характерна именно для книжного человека средних веков. Книжность автора сказалась в ритмической организации текста. Его основу составляют постоянные повторы ("Княже мой, господине…"), отдельные сентенции оформлены в виде стихов с простыми рифмами и четкими ассонансами. Между прочим, указанные особенности (наличие ритма и чередования рифм и созвучий) сближают "Моление" с народной поэтической традицией. Таким образом, это произведение родилось как сплав книжной и народно-поэтической культур.